

Из телевизора доносились звуки какого-то мультсериала: две простодушные медвежьи морды преследовали охотника. Линь Мао улыбался во весь рот, его тело слегка подрагивало, словно недавней боли и вовсе не существовало.

Хань Сяо протянул руку, подхватил его и усадил себе на колени. Линь Мао лишь бросил на него мимолётный взгляд, после чего снова уставился на медведя по имени Большой Медведь.

В комнате работал кондиционер. Линь Мао был легко одет, и прежде сидевшая как влитая одежда теперь казалась ему на размер больше. Из-за этого одно его плечо обнажилось. Взгляд Хань Сяо приковался к ярко-алому лепестку, поднимавшемуся снизу вверх, и он надолго погрузился в оцепенение, из-за чего упустил момент, когда улыбка на отвернувшемся от него лице Линь Мао из наивной мгновенно стала холодной и безжизненной.

— Жалкий!

— Кто жалок?

— Да кобель-злодей!

— Чем это он жалок?

— Всем жалок. Он так сильно тебя любит, а ты его нагло обманываешь.

— Разве я плохо играю свою роль?

— Напротив, слишком хорошо.

— Он всего лишь NPC, какие бы искренние чувства у него ни были, всё это заложено в настройках. Стоит покинуть этот мир, как они забудут всё прошлое и станут совершенно новыми персонажами.

— То оно так, но сейчас-то они кажутся такими настоящими.

— Если сочувствуешь им, можешь остаться.

— Ни за что, мне всё равно больше всех нравишься ты.

— Что там по сюжету дальше? — не прерывая мысленной связи с Сяо Хуан Шу, спросил про себя Линь Мао.

— Ничтожная омега проведёт с кобелём-злодеем Хань Сяо несколько очень тёплых и мирных

дней. Хань Сяо заказал недельную туристическую путёвку, через неделю они вернутся сюда, и тогда появится его прежняя зазноба — нынешний киноактёр Му Фэй. Они быстро сойдутся, к тому моменту ничтожная омега тоже вернёт память и поймёт, что за эти дни успела привязаться к Хань Сяо, но Хань Сяо уже будет ему не нужен. Сгорая от горя и отчаяния, он выбросится из окна и погибнет.

— Коротко и ясно.

— Хе-хе-хе, разумеется.

— Разве кобель-злодей И Цзяшэн не должен объявиться? Где он?

— Ой, сейчас поищу... Нашёл! Компания, с которой у И Цзяшэна сейчас подписан контракт, принадлежит к тому же концерну, что и агентство Му Фэя. Когда Му Фэй разыщет Хань Сяо, И Цзяшэн как раз окажется перед тобой. Узнав об этом, Хань Сяо решит, что у тебя всё ещё есть чувства к И Цзяшэну, и тогда произойдёт то самое.

Общение Линь Мао с Сяо Хуан Шу происходило исключительно на уровне сознания, при этом ни один персонаж мира новеллы не мог видеть Сяо Хуан Шу.

В дальнейшем Линь Мао больше не улыбался и просто молча смотрел телевизор. Хань Сяо, обнимавший его со спины, думал, что парень просто увлёкся зрелищем.

Он совершенно не подозревал, что этот человек в его объятиях, эта оболочка — душа из другого мира, прибывшая сюда лишь ради того, чтобы отыграть положенный сюжет.

После того дня Линь Мао и Хань Сяо действительно жили душа в душу. Пока раны на теле Линь Мао не зажили окончательно, Хань Сяо почти к нему не прикапывал: в худшем случае, когда похоть брала верх, он заставлял Линь Мао доставлять удовольствие рукой или же пользовался межбедрьем.

Линь Мао, потерявший память, видел изо дня в день лишь одного человека — Хань Сяо. Несмотря на всю свою наивность, он понимал: доброта этого мужчины, его забота и внимание до мельчайших деталей означали, что тот действительно дорожит им.

Ненавидеть человека легко, но точно так же просто и полюбить.

Постепенно Линь Мао смягчился сердцем и полюбил Хань Сяо.

Стоял разгар лета, палящее солнце испепеляло землю, и воздух дрожал от знойных волн.

Кондиционер, работавший в доме без перерыва, быстро подкосил и без того слабое здоровье

Линь Мао, и тот тяжело заболел.

Он пролежал в постели несколько дней подряд, а синяки от иголок на тыльной стороне ладоней выглядели пугающе.

Когда Линь Мао поправился, Хань Сяо велел помощнику заказать два билета на экскурсию к Вайтаню и увёз его из города.

Конечно, за день до отъезда Хань Сяо анонимно переслал Цяо Юэ курьерскую доставку.

Пока Хань Сяо и Линь Мао поднимались на круизный лайнер, любуясь пейзажами по пути, Цяо Юэ на другом конце города сидел в тёмно-коричневом кожаном кресле. На столике перед ним лежала коробка, наполненная нефритовой крошкой, превращённой в пыль человеческими руками.

Цяо Юэ резко вскочил, его зрачки сузились от свирепой злобы, а стоявший рядом подчинённый, доставивший посылку, не смел даже вздохнуть полной грудью.

В эту поездку Хань Сяо не взял с собой ни единого телохранителя. Лайнер работал по системе строгой регистрации: все находившиеся на борту — будь то туристы или члены экипажа — были внесены в списки. К тому же повсюду дежурили камеры и сотрудники службы безопасности. Хотя они носили форму, сшитую специально для лайнера, исходившая от них аура кадровых военных не позволяла никому и сомневаться в собственной безопасности.

Согласно расписанию, вся неделя должна была пройти на борту судна. Лайнер насчитывал три палубы: на первой располагались ресторан, чайная и прочие места для отдыха и развлечений; на второй находились каюты обычных пассажиров; а третья была открыта исключительно для VIP-клиентов. Они были лишь обслуживающим персоналом на корабле, не имеющим специальных пропусков, а потому не могли свободно перемещаться по судну.

Хань Сяо и Линь Мао в данный момент находились на третьем этаже круизного лайнера. Их номер по праву считался лучшим во всем лайнере: расположенный в глубине левого борта, он отличался роскошной и изысканной отделкой, ничем не уступающей шестизвездочным президентским люксам. Но больше всего удивляла огромная ванна из черного фарфора, занимавшая треть всей комнаты. Она была настолько просторной, что в ней могли бы свободно поместиться семь-восемь взрослых человек — в ней хватило бы места даже для того, чтобы вдоволь поплавать.

Линь Мао, чей разум был затуманен, а характер напоминал ребенка, пришел в полный восторг, увидев ванну. Он начал ощупывать ее края, пытаясь включить воду, совершенно не представляя, к каким последствиям это может привести, если наполнить ее до краев.

Хань Сяо, привычно отыскав нужный выключатель, подумал, что хотя было еще рано, ничто не мешало им немного развлечься.

Его темные, как бездна, глаза были прикованы к юноше, который стоял к нему спиной и, наклонившись, водил руками по поверхности фарфора. От этих движений тонкая футболка задралась вверх, обнажая полоску узкой, хрупкой талии. Ярко-алое пятно на коже, обрамленное мертвенно-бледным фоном, выглядело пугающе притягательно. Кадык Хань Сяо нервно дернулся. Благодаря тщательному уходу за последние дни тело Линь Мао почти полностью восстановилось. Хань Сяо уже давно не входил в него по-настоящему, и все былые ощущения мгновенно хлынули на него, пробуждая память о той влажной тесноте, которая, даже когда он отступал, словно удерживала его, то ли умоляя остаться, то ли приглашая продолжить.

Хань Сяо молча направился к юноше. Он прижал ладонь к открытому участку кожи и почувствовал под пальцами гладкость, от которой, казалось, исходила некая магическая сила, притягивающая его руку.

Его ладонь была теплой, и Линь Мао, не чувствуя никакого дискомфорта от прикосновений, лишь обернулся, взглянул на него и снова отвернулся, продолжая играть с водой. Он был настолько увлечен, что не заметил, как брызги намочили его одежду и длинные брюки.

— Ты весь промок... Давай я помогу тебе раздеться и переодеться? — голос Хань Сяо стал тяжелым, глаза потемнели. Он коснулся губами затылка Линь Мао, вдыхая тонкий аромат лесных трав, исходящий от его черных волос.

— Ой, и правда! Тогда буду очень признателен, — Линь Мао опустил взгляд, убедился, что одежда действительно промокла, и безмятежно улыбнулся, исполненный детской невинности. Хань Сяо действовал быстро, даже с некоторой спешкой срывая с преграждающей путь футболки. Возможно, он дернул слишком сильно и задел Линь Мао, так что юноша вскрикнул. Изначально это было лишь от боли, но для слуха Хань Сяо этот звук почему-то превратился во что-то похожее на сладкий стон. Обхватив юношу за талию, они оба рухнули в наполненную водой ванну.

В ванне стоял датчик уровня: как только воды набиралось достаточно, её подача автоматически прекращалась.

Тела двух взрослых мужчин рухнули вниз, и теплая вода с плеском перелилась через край.

Потоки воды со всех сторон хлынули на Линь Мао, и он зашелся в кашле. Хань Сяо крепко обнял его за талию и перевернул так, что Линь Мао оказался сверху, а он сам — снизу.

— Всё промокло, — откашлявшись, первое, о чем побеспокоился Линь Мао, были его собственные брюки.

Хань Сяо в два счета сорвал с Линь Мао всю одежду, и тот оседлал его живот, ощутив, как упирается в него снизу раскаленный, до боли твердый предмет.

Он с досадой ершнул пару раз, не желая верить, что эта штука станет еще больше — багрово-красная и толстая.

Хань Сяо перехватил руку Линь Мао и, соблазняя и уговаривая, произнес:

— Потрогай его. Вот так потрогай, и оно станет меньше. Врет, до этого он становился только больше. Линь Мао ни капли не верил этому мужчине. Раньше всегда было так: стоило ему прикоснуться — тот становился еще толще и тверже. Мужчина даже заставлял его двигать рукой вверх и вниз, и Линь Мао чуть не стер себе пальцы, прежде чем эта штука соизвола уменьшиться. Ни за что, он больше так не хочет, у него до сих пор руки отзываются тупой болью.

Хе-хе! — низко рассмеялся Хань Сяо, и его грудная клетка заходила ходуном.

Ну ладно, раз тебе не нравится работать руками, воспользуемся другим местом. Ручаюсь, от этого ты вовсе не устанешь.

Глаза Линь Мао широко раскрылись, влажные, словно у наивного олененка, которого лесной зверь прижал лапой к земле, собираясь сварить в котелке, а он еще и сам туда прыгает.

Ты слово держишь?

Конечно! — Хань Сяо слегка кивнул. Он вытянул длинную руку, взял с полки в стене у самой ванны белый флакон, отвинтил крышку и выдавил немного лубриканта на ладонь. Затем его рука снова опустилась в воду и переместилась к мягким ягодицам сидевшего у него на коленях парня.

Мм! — сзади вошел один палец, а затем изнутри все смазали каким-то средством. Спустя мгновение добавился второй. Два пальца массировали и расширяли его изнутри, и неприятное ощущение становилось все сильнее.

Линь Мао схватил мужчину за запястье, и в его голосе послышался страдальческий плач:

Хватит, мне больно, вынь его.

Поддавшись на его мольбы, Хань Сяо действительно вытащил пальцы, но в следующее мгновение у самого входа уперся предмет, куда более толстый и массивный, чем палец. Тот вход, который так старательно расширяли, слегка подрагивал, не подчиняясь воле тела, то сжимаясь, то размыкаясь. Эти едва уловимые движения окончательно лишили Хань Сяо последних остатков терпения.

Хань Сяо крепко обхватил Линь Мао за поясницу и резко вошёл внутрь, полностью утопая своей мощной плотью в мягком, горячем месте.

Не обращая внимания на то, что Линь Мао упирался ладонями в его грудь, пытаясь оттолкнуть, Хань Сяо приступил к первобытным движениям, ввинчиваясь и выходя из него.

Линь Мао чувствовал себя крошечной лодкой, затерянной в океане, которую внезапно накрыл ураган, не оставляя места для спасения. Его тело, полностью подвластное другому человеку, утратило контроль над собой. Он всхлипывал, издавая тонкие, похожие на писк детеныша

кошки звуки.

Но стоило Хань Сяо с силой надавить на некую точку внутри, как голос Линь Мао внезапно сорвался. От этой точки по всему телу разлилась острая, сладкая истома, проникая в каждую клетку, и даже пальцы ног невольно поджались.

Словно осознав это, Хань Сяо сосредоточил все свое внимание именно на этом месте, нанося еще более яростные и мощные удары. Всплески воды заглушали звуки шлепков плоти. Линь Мао не выдержал и громко вскрикнул.

Когда в глубине воды поднялась молочно-белая волна, Линь Мао уже был ярко-красным, словно вареная креветка. Движения продолжались, но у него не осталось сил даже пошевелиться — он безвольно обмяк на крепкой груди Хань Сяо, лишь пассивно покачиваясь вверх-вниз.

За эту неделю подобное случалось почти каждый день. Чаще всего всё начиналось в ванне, а затем перемещалось на широкую кровать, к стене, за дверь или к окну. В каждом уголке, в каждом месте, где это было возможно, Линь Мао побывал обнаженным.

Именно за эти дни он начал осознавать всю сладость плотских утех. Иногда, когда Хань Сяо не проявлял инициативы, Линь Мао сам прижимался к нему, пытаясь стянуть одежду, чему Хань Сяо был, разумеется, только рад.

Семидневный круиз подходил к концу, сегодня корабль возвращался в порт.

Линь Мао в светлой одежде вышел из каюты и встал на палубе. Морской ветер трепал его черные волосы, заставляя их слегка колыхаться.

Хань Сяо временно отлучился, встретив знакомого, и отошел с ним в сторону.

На этой палубе находились и другие пассажиры. Некоторые тоже вышли полюбоваться морем. Заметив молодого человека, который в одиночестве и неподвижности застыл на ветру, они не могли не обратить внимание на его утонченную, статную фигуру и яркую, привлекательную внешность. Его кожа казалась такой светлой, что под мягким светом солнца он, казалось, даже светился. Один из пассажиров, решившись заговорить, направился к нему, но стоило ему подойти на пару метров, как Линь Мао медленно повернул голову.

Встретившись с его холодным, пронизывающим взглядом, человек почувствовал, как ледяной озноб пробежал от пяток до самых корней волос. Смущенно дернув уголком рта, пассажир предпочел не приближаться и поспешил вернуться на прежнее место.

— Красотка, ты вот так просто распугала людей!

— У этой дамы, кроме волос, всё на лице было переделано, неужели ты не заметил?

— Конечно, заметил, но она всё равно была красива.

— У тебя весьма своеобразный вкус!

— Ты скривился, пытаешься надо мной посмеяться?

— А ты заметил?

— Я что, по-твоему, слепой?

Сяо Хуан Шу сердито летала перед глазами Линь Мао. Тот отвел взгляд и посмотрел на бурлящую воду за бортом, глаза его стали глубокими и непроницаемыми.

После схода с корабля они сразу сели в черный седан, ожидавший на обочине. В развлекательной компании Хань Сяо, по-видимому, случилось что-то срочное, требующее его личного присутствия, поэтому он велел водителю заехать в офис, а после отвезти Линь Мао домой.

Спустя полчаса Линь Мао стоял у порога дома. Он не стал стучать — дверь вскоре открылась сама. Управляющий, увидев его, сдержанно и почтительно поприветствовал:

— Господин Линь.

Хотя Линь Мао фактически был пленником Хань Сяо, управляющий за эти дни ясно видел, что Хань Сяо дорожит этим юношей даже больше, чем кем-то из своего прошлого.

— Управляющий, вы умеете готовить лапшу со свиными ребрышками? — едва войдя в дом, не снимая обуви, небрежно спросил Линь Мао.

На обычно невозмутимом лице управляющего промелькнула тень замешательства. Он внимательно оглядел стоявшего перед ним юношу.

— Вы... память вернулась? — Управляющий был прекрасно осведомлен о состоянии Линь Мао. Он не имел ничего против того, что Хань Сяо держит у себя дурачка, даже надеялся, что тот так и останется глупым — ведь с самого начала юношу удерживали силой, и добровольным его пребывание здесь не было никогда.

Линь Мао ответил легко, без малейшего намека на мрачность:

— Да, вспомнил. Что, нельзя?

Управляющий помрачнел. Его положение позволяло ему говорить и делать лишь определенные вещи, шаг в сторону — и это стало бы ошибкой.

— Подождите немного, я сейчас приготовлю, — сказал он и направился на кухню.

— Спасибо! — Линь Мао улыбнулся чисто и искренне.

— Слишком резкая смена поведения. Вот так просто вернулась память? Это вызовет подозрения.

— Мне всё равно не сбежать из рук Хань Сяо. Даже если он начнет что-то подозревать, это не так уж важно.— И то верно. Думаю, послезавтра Хань Сяо навестит его белолунная любовь, так что постарайся.

Линь Мао с натянутой, лишенной всякой радости улыбкой дернул уголком рта, после чего прошел к дивану в гостиной. Он тихо сел, взял пульт, переключил на канал с мультфильмами и некоторое время смотрел про Мишек Буни, обнаружив, что это довольно неплохо.

Ребрышки в лапше, как всегда, были невкусными. Как и боль, чувства вкуса и осязания — за исключением слуха и зрения — были притуплены в той или иной степени.

Линь Мао на протяжении всей трапезы оставался с невозмутимым лицом, пережевывая еду, словно солому, и в конце концов прикончил всю чашу целиком, выпив даже остатки бульона. Он отложил палочки и миску, рядом с которой лежала горка обглоданных костей.

Встав из-за обеденного стола, он снова сел на диван. В этих мирах романов у него практически не возникало собственных интересов. Во-первых, время пребывания ограничено, а во-вторых, невозможно заранее предугадать, что ждет в следующем мире, поэтому не было смысла заниматься чем-то бессмысленным.

Именно поэтому большую часть времени, когда сюжетная линия требовала его участия, он оставался в одиночестве, ожидая начала следующей сцены.

В тот вечер Хань Сяо не вернулся. Линь Мао просидел в гостиной весь день и лишь глубокой ночью, словно ходячий мертвец, поплелся в спальню.

Дворецкий неотлучно находился рядом: следить за Линь Мао входило в его прямые обязанности.

На следующий день в полдень Хань Сяо вернулся, утомленный дорогой, от него разило крепким спиртным. Линь Мао наблюдал, как он меняет туфли в прихожей и, сняв верхнюю одежду, вешает её на крючок за дверью.

Суровые брови Хань Сяо были сильно нахмурены, но, когда его взгляд переместился на Линь Мао, он застыл, пораженный безразличным выражением его лица.

В этих глазах, чистых, как родниковая вода, теперь светилась ясность, в них больше не было прежней наивности.

Бесспорно, к Линь Мао вернулась память. Но это произошло так внезапно — он-то полагал, что до того момента, как к человеку вернется рассудок, пройдет еще немало времени.

— Вернулся? — уголки губ Линь Мао дрогнули в естественной, мягкой улыбке.

Зрачки Хань Сяо сузились. Несмотря на то что в глубине души у него оставалось множество сомнений и вопросов, всё это растворилось в мягкой улыбке Линь Мао.

Неважно, искренен он сейчас или притворяется — пока человек рядом с ним и целиком принадлежит ему, этого достаточно. А что касается сердца, то когда-нибудь оно будет наполнено только им, впереди еще целая вечность.

— Обедать? Я пойду приготовлю, — добавил Линь Мао....Угу, я уже поужинал.

Между ними, казалось, с самого начала никогда не было такого мира и спокойствия, как сейчас, и Хань Сяо какое-то время никак не мог придумать новую тему для разговора. Он оставил Линь Мао сидеть в гостиной, ушел в ванную, принял прохладный душ, а затем вышел в домашней одежде.

Его волосы были мокрыми, и Хань Сяо вышел из ванной, захватив с собой полотенце.

Едва он успел сделать пару движений, как полотенце вытянули у него из рук. Хань Сяо вперил взгляд в стоявшего рядом юношу, его глаза потемнели.

Линь Мао, однако, вовсе не обратил внимания на полный агрессии взгляд Хань Сяо. Голос его прозвучал ясно и звонко:

— Я помогу тебе вытереться.

С этими словами он набросил полотенце на голову Хань Сяо и мягко принялся промокать капли воды.

У Хань Сяо волосы были короткими, совсем не то что у Линь Мао, так что они высохли почти мгновенно. Линь Мао убрал полотенце и скомкал его в ладони.

— Я хочу вернуться на работу в больницу... — Линь Мао опустил голову, и теплый желтый свет с потолка лился сверху, создавая сияющий ореол на кончиках его волос. — Можешь не беспокоиться, я не сбегу. У тебя ведь есть мои фотографии и видео, куда я могу деться? Сидеть целыми днями в этой квартире и ничего не делать, так одиноко, даже поговорить не с кем. Я боюсь, что если так продолжится, то снова сойду с ума. Я умоляю тебя, можно? Позволь мне вернуться в больницу, я обещаю, что буду во всем тебя слушать.

К концу голос его стал совсем тихим, превратившись едва ли не в бормотание, а улыбка в уголках губ горько искривилась.

Прошлой ночью на одном из собраний торговцев Хань Сяо столкнулся с Цяо Юэ. Рядом с тем крутился смазливый парнишка — должно быть, его новая игрушка. Цяо Юэ быстро увлекался тем, что ему приглянулось, но так же быстро и пресыщался. Хань Сяо предполагал, что тот уже потерял интерес к Линь Мао, и люди, которые последнее время постоянно следовали за ним по пятам и пытались преследовать, тоже исчезли.

В конце концов, позволить Линь Мао вернуться на работу в больницу было вполне возможно. Нужно лишь приставить к нему другого человека для постоянной охраны.

— Мм, хорошо, — после долгих раздумий кивнув, произнес Хань Сяо. Под конец, словно что-то вспомнив, он добавил: — Я согласился на твое условие, так что, может, и ты покажешь что-то в знак благодарности?

Глаза Линь Мао удивленно расширились, и он нерешительно переспросил:

— Чт... то?

— А сам как думаешь?

Пальцы Хань Сяо ухватили Линь Мао за подбородок, с силой сминая его плотно сжатые ярко-красные губы. Плоть и секс — человеческая природа, и он, разумеется, не был исключением.

На лице Линь Мао отразилась внутренняя борьба, уголки его губ слегка дрогнули:

— Прямо сейчас?

За окном ярко заливало светом весь день, освещая комнату до последней трещинки.

— Прямо сейчас! — низким, густым голосом отрезал Хань Сяо.